

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук **Чжу Цзыцзин** на тему: «Проза писателей-врачей первой трети XX века: особенности поэтики» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Выбор темы исследования – проза писателей-врачей – диктует нетривиальные принципы отбора литературного материала: из всего корпуса произведений М. Булгакова, например, для детального разбора выбираются только «Записки юного врача», остальные же произведения привлекаются точно, на уровне отдельных деталей; творческое наследие В. Вересаева представлено только «Записками врача». Это неизбежно ведет к появлению вопросов, мало относящихся к собственно аналитической работе диссертанта с выбранными текстами, но важных для понимания общей логики исследования. Первый: распространяются ли выделенные на материале «врачебной» прозы характерные черты на остальные произведения автора (или качество его прозы о врачах и больных в чем-то выше, а закономерности поэтики в строго определенном тематическом поле подвергаются трансформации)? И второй вопрос: Чжу Цзыцзин справедливо отмечает на с.32, что «медицина ставит врачей в уникальное положение для наблюдения, записи и создания историй. Такая уникальность обусловлена навыками острой и точной наблюдательности, которые врачи получают во время медицинского обучения и тем более в процессе профессиональной деятельности». Означает ли это, что среди врачей число абсолютно выдающихся писателей автоматически должно быть больше, чем среди писателей-математиков или поэтов-физиков?

Возвращаясь же к диссертации Чжу Цзыцзин, отметим высокое качество аналитической работы с конкретными произведениями выбранных авторов, значимые наблюдения над инвариантными чертами «прозы врачей» (как верно указывает диссертант на с.45, «медицинская тематика... имеет

довольно ограниченный набор сюжетов, часть которых обречена становиться архетипическими»), детальность рассмотрения микроэпизодов и в то же время умение автора диссертации держать перед глазами всю картину в целом. Рассмотрение прозы М. Булгакова и В. Вересаева на фоне неореалистической прозы, подробный анализ жанровых особенностей «Записок врача» и «Записок юного врача», учет мифопоэтических компонентов ранних рассказов М. Булгакова – все это придает работе Чжу Цзыцзин научную основательность, а диссертация в целом отвечает требованиям научной новизны и актуальности.

Один из важных аспектов исследования – анализ жанровой природы «Записок врача» В. Вересаева (этому вопросу посвящены параграфы 2.1 и 2.2 главы второй). Чжу Цзыцзин дает характеристику жанровых черт произведения через сопоставление с физиологическим очерком, мемуарными и автобиографическими текстами, дневниковыми записями, исповедью. В итоге она приходит к нескольким значимым выводам, которые позволяют внятно разграничить художественные стратегии сопоставляемых в диссертации писателей – В. Вересаева и М. Булгакова. Доминирование черт физиологического очерка в «Записках врача» – первое такое убедительно доказанное и разнообразно проиллюстрированное наблюдение. Примечательно как раз то, что Чжу Цзыцзин стремится показать, как В. Вересаев трансформирует и «укрупняет» жанр, расширяя границы изображаемого мира (это вовсе не «петербургские углы», а вся социальная система России конца XIX века, увиденная сквозь призму огромного множества детально записанных «частных случаев»). И второй тезис, который нам представляется имеющим особое значение в работе, связан с отчетливым пониманием разнонаправленных черт поэтики очерка: «отсутствие определенного сюжетного стержня дает физиологическому очерку большую свободу, его структурные компоненты могут свободно варьироваться» (с.67), но медицинская тематика «Записок...» (физиология

как таковая) служит той центростремительной силой, которая удерживает эти компоненты в качестве единого целого.

Анализ жанровой специфики «Записок юного врача» М. Булгакова базируется прежде всего на выделении черт производственного романа и романа воспитания. Чжу Цзыцзин убедительно показывает связь (скорее, синтез) характеристик романа воспитания и автобиографического романа в «Записках юного врача»: «Внешний сюжет каждого рассказа – это вариации на темы взросления, развития характера и приобретения новых навыков» (с.101). По сути, композиция каждого отдельного рассказа и цикла в целом выстроена по фрактальной логике: как любой рассказ начинается с подчеркивания «молодости», неуверенности, неспособности к результативному профессиональному действию и заканчивается – после разнообразных «испытаний» - победой, похвалой и обретением нового опыта, так и цикл в целом демонстрирует личностное и профессиональное становление героя – от страха перед первой операцией до уверенности и признания коллег и пациентов. Вероятно, было бы интересно проследить за тем, как «я»-повествователь выстраивает образ «я»-персонажа, меняется ли дистанция между ними на протяжении повествования и от рассказа к рассказу, какова стратегия отбора, масштабирования и связывания деталей в тексте – но это, впрочем, уже отклонение в сторону нарратологического, а не проблемно-тематического поля исследования.

Второй аспект жанровой характеристики – вписывание «Записок юного врача» в контекст «производственного романа» – вызывает несколько вопросов. Формально признаки «производственного романа» (герой – это профессионал, изображенный в процессе решения им рабочих функций; использование медицинской терминологии) в «Записках юного врача» есть, и если наложить жанровый шаблон «производственного романа» на цикл рассказов М. Булгакова, то непременно появится множество точек соприкосновения – и в диссертации Чжу Цзыцзин они последовательно зафиксированы и детальноотрефлексированы. Иными словами, по

отдельности каждая характеристика «производственного романа» к тексту М. Булгакова вполне приложима, но все вместе они явно «не работают». Содержательное наполнение, интенции повествователя, сюжетная динамика, как нам представляется, у М. Булгакова все же иные. Безусловно, писатель работает в сугубо профессиональном поле: завязка любого сюжета – это «вызов», который тяжелый, находящийся на грани жизни и смерти пациент бросает врачу. Однако, думается, в фокусе авторского внимания находится скорее экзистенциальный, а не событийный слой происходящего: все свои действия юный врач совершает в «присутствии» смерти, более того, гибель пациента неминуемо будет означать не только «профессиональную» смерть начинающего эскулапа, но и личностную – не случайно в «Полотенце с петухом» после операции герой смотрится в зеркало – и, словно бы находясь на грани потусторонности, видит, как «бледное лицо отражалось в чернейшем стекле». По сути, они оба – врач и пациент – решают одну и ту же задачу: отодвинуть эту границу потусторонности, не дать ей «наползти» на реальность.

Кроме того, сам принцип изображения «я»-персонажа у М. Булгакова заметно разнится с репрезентацией героев «производственного романа». Вместо героики труда – или, точнее, наряду с ней – в «Записках юного врача» доминирует горькая ирония (и Чжу Цзыцзин это видит и отмечает) в понимании себя и своих человеческих и профессиональных возможностей; «провалы» в хтоническую тьму соседствуют с озарениями и даже приступами вдохновения (тот контраст, который трудно представить в советском «производственном романе» и который в большей мере позволяет соотнести «Записки юного врача» с романом о художнике, на что совершенно точно указано в диссертации Чжу Цзыцзин).

Вместо специального «производственного» хронотопа (фабрики, завода, стройки) у М. Булгакова мы находим пограничное пространство, в описании которого недвусмысленности прочитываются коннотации смерти (не случайно изображение Мурьевской больницы начинается с взгляда на

«умершую» траву во дворе, «гробовые окна» самого здания и указания на расстояние от города: «40 верст» сразу обретают символическое измерение). Чжу Цзыцзин сама указывает на нетипичность хронотопа для «производственного романа», однако сосредотачивает внимание на закрытости, замкнутости пространства («больница действительно становится для юного врача кровом, настоящим прибежищем от бед», с.89). Нам же кажется более значимым то, что позволяет увидеть в изображении больницы черты «инобытия», а не схематические, формальные сближения с «рабочим» пространством героя «производственного романа». Отмечу, что автор диссертации неоднократно указывает на значимость онейросферы в «Записках юного врача», на внезапные переходы от сна к яви, от хаоса подсознания к ясному видению реальности (об этом в диссертации подробно – на с.128-130) – но в обсуждении проблемы жанра почему-то предпочитает эти наблюдения не использовать.

Наконец, разбирая один из эпизодов «Полотенца с петухом» (начинается он со слов: «Я срезал громадный кус женского мяса...»), Чжу Цзыцзин пишет: «Подробные описания с документальным уклоном способствуют достоверности повествования, тем самым создавая у читателя более реалистичную и убедительную картину того, чем занимается герой-профессионал» (с.91). Но ведь можно трактовать приведенный фрагмент «Записок юного врача» и иначе: «громадный кус» - это вовсе не «медицинское», фактически точное наименование того, что ампутирует врач, это, скорее, субъективно окрашенная характеристика происходящего - «для читателя» (врач мог бы привести название мышцы – но М. Булгаков ограничивается выразительной «количественной» подробностью). «Женское мясо» и вовсе не из профессионального словаря – зато в контексте сцены создает нужный градус эмоциональной напряженности.

Удачным и убедительным в диссертации получилось сопоставление художественных стратегий В. Вересаева и М. Булгакова (см. параграф 3.1. главы третьей). Ключевой тезис: «Мифопоэтическая природа булгаковских

записок контрастирует с «голым» натурализмом Вересаева» (с.138) – и с ним нельзя не согласиться. Доказан он последовательно, детально, убедительно, с аналитической работой по тексту.

В завершение – вопрос о возможных перспективах исследования прозы врачей и о перспективности самого этого явления в искусстве. Чжу Цзыцзин упоминает о романах Абрахама Вергезе («Рассечение Стоуна» - роман врача-хирурга о гениальном персонаже-хирурге Стоуне); мы бы добавили к нему отдельные русскоязычные тексты: рассказы Дмитрия Новикова («Правда воды» - история недоучившегося медика, мечтающего стать писателем), произведения А. Стесина и А. Моторова (например, «Юные годы медбрата Паровозова»). Как видит автор диссертацию эволюцию прозы врачей от конца XIX до начала XXI века? Есть ли в ней значимые изменения поэтики – композиционных приемов, логики сюжетостроения, типа героя, отношений «я»-повествователя и «я»-персонажа, жанровых форм? В какой степени принципы нарративной медицины и литературные тексты практикующих врачей влияют друг на друга?

Диссертация Чжу Цзыцзин отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Публикации отвечают тематике исследования. Содержание диссертации полностью соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Таким образом, соискатель Чжу Цзыцзин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор кафедры русской литературы

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Кучина Татьяна Геннадьевна

14.01.2025

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

150000 Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

Тел: +7 (4852) 30-56-61

rector@yspu.org